

Серия «Клуб страха»

БРЭМ СТОКЕР

ДРАКУЛА

Роман, рассказ

Издание 2-е

Ростов-на-Дону

«Феникс»

2023

УДК 821.111-312.9
ББК 84(432.1)1
КТК 654
С81

Иллюстрации Ивана Иванова

Стокер, Брэм.

С81 Дракула : роман, рассказ / Брэм Стокер ; пер. с англ. Н. Сандровой, Е. Андриановой. — Изд. 2-е. — Ростов н/Д : Феникс, 2023. — 220, [3] с. : ил. — (Клуб страха). — ISBN 978-5-222-39341-3

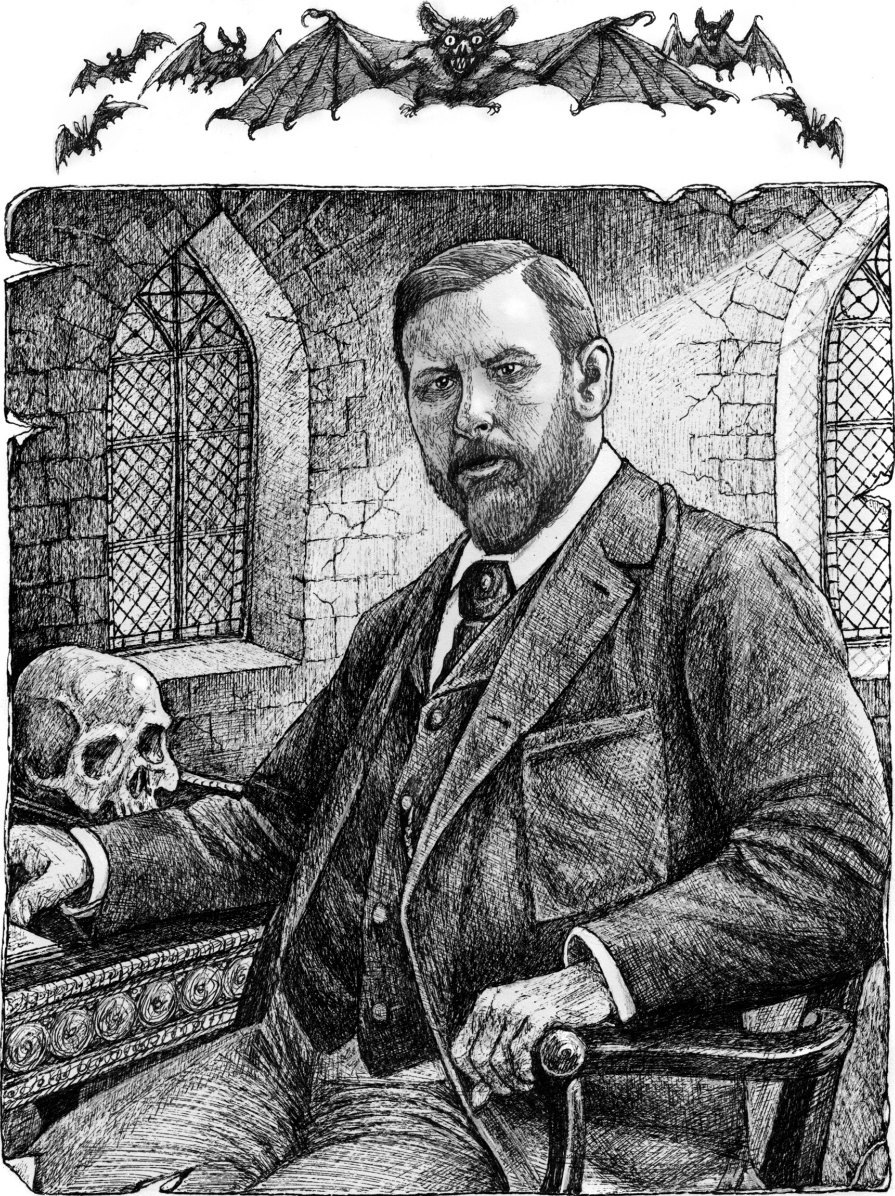
Ретрохоррор во всем своем великолепии! Роман «Дракула» ирландского писателя Брэма Стокера был впервые опубликован в 1897 году. Со временем он приобрел статус культового, пережил множество экранизаций и даже породил моду на «вампирическую тему», которая держится уже второе столетие. Перед вами шедевр на все времена — не просто роман ужасов, но бессмертное произведение о любви.

Роман предлагается вашему вниманию в раритетном классическом переводе Нины Сандровой 1912 года, поэтому интерпретация некоторых имен и названий может отличаться от привычной уху современного читателя, но куда важнее старомодное очарование дореволюционной прозы, которое сохранил «Дракула» в этом варианте. Книгу открывает рассказ «Гость Дракулы» — некогда удаленная издателем первая глава романа.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(432.1)1

ISBN 978-5-222-39341-3

© Оформление: ООО «Феникс», 2020
© Иллюстрации: Иванов И., 2020
© Перевод: Е.В. Андрианова, 2020
© В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

Frank Stokes

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

Предыстория к роману «Дракула»

«Гость Дракулы» был удален из первого издания романа его издателем по причине слишком большого объема рукописи. Рассказ был впервые опубликован в 1914 году, спустя два года после смерти автора.

В день отъезда солнце над Мюнхеном светило ярко, и воздух был напоен ароматами раннего лета. Перед самым отправлением господин Дельбрюк (метрдотель гостиницы «Времена года», в которой я остановился) спустился с непокрытой головой к экипажу и, пожелав мне приятной поездки, обратился к кучеру, еще придерживавшему дверцу кареты:

— Помни, ты должен вернуться до полуночи. Небо ясное, но по зябкому северному ветру чувствуется, что буря может начаться внезапно. Впрочем, я не сомневаюсь, что ты не станешь задерживаться, — тут он улыбнулся и добавил: — Ты же знаешь, что за ночь сегодня.

— Ja, mein Herr!¹ — с важным видом отозвался Иоганн, коснулся своей шляпы и хлестнул лошадей. Когда мы выехали из города, я жестом попросил его остановиться и спросил:

— Скажите, Иоганн, что за ночь сегодня?

— Вальпургиева ночь, — перекрестившись, коротко ответил кучер. Затем достал часы — огромный, величиной с луковицу, старинный серебряный немецкий хронометр, — посмотрел на них, нахмурился и нетерпеливо пожал плечами. Я понял, что таким образом он вежливо выражает раздражение бессмысленной задержкой, откинулся на спинку сиденья и дал знак продолжать путь. Кучер тут же тронулся, словно спешил наверстать упущенное время.

Лошади то и дело вскидывали головы и подозрительно принюхивались. В такие моменты я часто встревоженно оглядывался по сторонам. Путь был унылым. Мы пересекали высокое, продуваемое ветром плато. Я заметил боковую дорогу, почти заросшую. Извиваясь, она углублялась в небольшую долину.

Дорога была так заманчива, что я, рискуя навлечь на себя недовольство Иоганна, велел ему остановиться и, когда он натянул поводья, сказал, что хочу спуститься по ней.

Часто крестясь, он стал отговаривать меня от этой затеи, тем самым лишь подстегнув мое любопытство. Я стал расспрашивать его. Он отвечал уклончиво и постоянно нетерпеливо смотрел на часы.

— Что ж, Иоганн, я хочу отправиться по этой дороге, — наконец сказал я. — Не предлагаю вам присоединиться ко мне, если сами не захотите, но тогда расскажите, почему вы отказываетесь по ней ехать. Это все, о чем я прошу.

Вместо ответа он спрыгнул с козел и, протягивая ко мне руки, стал умолять отказаться от моего намерения. Английские слова он путал с немецкими, и я едва мог понять его. Казалось, он уже был готов рассказать мне о том, о чем ему, очевидно, было страшно даже подумать; но, едва начиная говорить об этом, он умолкал и крестился, повторяя:

— Вальпургиева ночь!

Я пытался возражать ему, но спорить с человеком, говорящим на языке, которым не владеешь, не просто. Определенное преимущество было за ним: начиная говорить по-английски, грубо коверкая

¹ Да, мой господин! (нем.)

слова, он, волнуясь, неизменно переходил на свой родной язык, каждый раз поглядывая на часы. Вдруг лошади забеспокоились и стали принюхиваться. Кучер сильно побледнел и, со страхом озираясь по сторонам, схватил лошадей под уздцы и отвел их в сторону футов на двадцать. Я пошел следом и поинтересовался, зачем он это сделал. Вместо ответа он снова перекрестился, указывая на место, которое мы покинули, и направил экипаж в другую сторону, бормоча сначала по-немецки, а потом по-английски:

— Похоронили его... того, кто себя убил.

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках дорог.

— А! Понятно, самоубийство. Как любопытно! — сказал я, но все равно не мог понять, почему лошади так испугались. Пока мы разговаривали, послышался странный звук — нечто среднее между визгом и лаем. Он донесся издалека, но лошади забеспокоились так сильно, что Иоганну стоило больших усилий сдержать их. Он побледнел еще сильнее и сказал:

— Похоже на волка... Но ведь волки здесь больше не водятся.

— Не водятся? — переспросил я. — Разве волки время от времени не заходят в окрестности города?

— Бывает, — сказал он. — Но с первым снегом они всегда уходят.

Пока кучер поглаживал лошадей, пытаясь успокоить их, небо заволокли темные тучи, солнце спряталось, и нас обдало дыханием холодного ветра. Но это было лишь дуновение, больше похожее на предостережение, потому что вскоре солнце засияло снова.

Иоганн посмотрел на горизонт, приложив руку козырьком ко лбу, и сказал:

— Снежная буря скоро начнется.

Потом он опять посмотрел на часы и, крепко удерживая поводья, потому что лошади по-прежнему беспокойно переступали копытами и мотали головами, взобрался на козлы, словно собираясь трогать.

Во мне проснулось упрямство, и я не сразу сел в экипаж.

— Расскажите мне, — обратился я к нему, — куда ведет эта дорога, — и указал рукой вниз.

Кучер снова перекрестился и, прежде чем ответить, пробормотал слова молитвы.

— Там нечисто.

- Что именно нечисто? — не понял я.
 - Деревня.
 - Так, значит, там деревня?
 - Нет, нет. Никто не живет там уже сотни лет.
- Мое любопытство разыгралось.
- Но вы сказали, что там деревня.
 - Была.
 - Куда же она подевалась?

Иоганн начал длинный рассказ, настолько мешая английские слова с немецкими, что я с трудом его понимал. Я лишь уловил, что давным-давно, сотни лет назад, умерших жителей этой деревни хоронили в могилах; но однажды из-под земли стали доноситься странные звуки, а когда могилы вскрыли, мужчины и женщины в гробах выглядели как живые, а их рты были наполнены кровью. Поэтому, торопясь спасти свои жизни (и души! — перекрестившись, добавил он), те, кто остались в живых, бежали в другие места, где жили живые, а мертвые были мертвыми, а не... не превращались в невесть что. Последние слова дались ему особенно тяжело. Чем дольше он рассказывал, тем большим становилось его волнение. Казалось, будто воображение полностью овладело им, и когда он закончил свой рассказ, то сделался белым как мел, лицо его покрылось испариной; дрожа всем телом, он огляделся по сторонам, словно в любую секунду ожидая появления какого-нибудь чудовищного существа прямо здесь, на открытом пространстве в ярких лучах солнца. Наконец, охваченный мучительным отчаяньем, он воскликнул:

— Walpurgisnacht¹, — и жестом призвал меня сесть в экипаж. В ответ на это моя английская кровь закипела, и я, сделав шаг назад, сказал:

— Вы боитесь, Иоганн, вы слишком напуганы. Поезжайте домой, а я вернусь сам; прогулка пойдет мне на пользу.

Дверца экипажа была открыта. Я взял лежащую на сидении дубовую прогулочную трость, которую всегда ношу с собой во время экскурсий в отпуске, и закрыл дверцу. Махнув в сторону Мюнхена, я добавил:

— Отправляйтесь домой, Иоганн... Вальпургиева ночь не пугает англичан!

¹ Вальпургиева ночь (нем.).

Лошади пришли в необычайное волнение, Иоганну с большим трудом удавалось удерживать их на месте, однако он принялся уговаривать меня не совершать подобной глупости. Мне стало жаль беднягу, ведь в своем страхе он был совершенно искренен, но все равно я не смог удержаться от смеха. В своей тревоге он забыл, что единственным способом заставить меня внять его мольбам было говорить на языке, который я понимал, и лопотал что-то на своем родном немецком. Это становилось несколько утомительным.

— Домой! — велел я ему и направился к боковой дороге, ведущей в долину.

С возгласом отчаянья Иоганн повернул лошадей в сторону Мюнхена. Опершись на трость, я проводил его взглядом. Какое-то время экипаж медленно двигался по дороге; потом на гребне холма появился человек — высокий и худой, больше на таком расстоянии я ничего различить не смог. Когда он приблизился к лошадям, те встали на дыбы и, брыкаясь, заржали от ужаса. Иоганн не смог удержать их, и они понеслись по дороге, словно одержимые. Я проводил их взглядом, пока экипаж не скрылся из виду, потом поискал глазами незнакомца, но он тоже исчез.

С легким сердцем я свернул на боковую дорогу и начал спускаться в долину, так пугавшую Иоганна. Я не видел ни малейшего повода для его волнений. Пару часов я прошагал, не думая о времени и расстоянии и не заметив ни одного человека или дома. Вокруг царило полное запустение. Однако я этого не заметил, пока, зайдя за очередной поворот, не оказался на краю леса. Только тогда я осознал, что глубоко впечатлен первозданной красотой края.

Я присел отдохнуть и оглянулся по сторонам. С удивлением я почувствовал, что стало холоднее, еще я постоянно слышал звук, похожий на приглушенный печальный вздох, а потом откуда-то сверху послышался глухой рев. Взглянув на небо, я заметил огромные густые тучи, стремительно несущиеся с севера на юг. Где-то очень высоко собралась буря. Я немного продрог, но решил, что это следствие остановки после энергичной прогулки, и снова двинулся в путь.

Местность, по которой я проходил, становилась живописнее. Никаких примечательных объектов, на которых мог бы остановиться взгляд, но на всем лежал отпечаток безмолвной красоты. Я почти забыл о времени и только в густеющих сумерках задумался, как

мне возвращаться домой. Яркий день погас. Похолодало, и тучи над головой неслись все быстрее с отдаленным грохотом, в котором слышались отголоски того загадочного звука, который, по словам кучера, издавал волк. Мгновение я колебался, но напомнил себе, что должен увидеть ту заброшенную деревню, поэтому двинулся дальше и вскоре очутился в долине, со всех сторон окруженной холмами. Холмы до самых подножий поросли деревьями, которые образовывали небольшие рощи на их пологих склонах и в ложбинах. Я посмотрел вперед: дорога изгибалась возле одной из самых густых рощ и терялась в ней из виду.

Пока я всматривался в даль, подул холодный ветер и внезапно начал падать снег. Мысленно оценив расстояние, пройденное мной по открытой, не защищенной от ветра местности, я поспешил к лесу в поисках убежища. Небо становилось все темнее, снег падал все быстрее и гуще. Земля вокруг превращалась в белый сверкающий ковер, а даль скрывалась в туманной дымке. Дорогу теперь можно было разобрать лишь с трудом. Границы ее были совсем размыты, как если бы она проходила через вырубку, и вскоре я осознал, что, должно быть, сбился с пути. Под ногами исчезла твердая поверхность, и они стали погружаться в траву и мох. Ветер усилился и дул в спину с такой силой, что я вынужден был бежать под его натиском. Воздух стал ледяным, и, несмотря на все мои усилия, я начал замерзать. Снег кружился в таком безумном вихре, что слепил глаза. Небо прорезали яркие молнии, и в свете их вспышек я мог различить впереди заросли кипарисов и тисов, запорошенных снегом.

Я очутился под защитой деревьев и здесь, в относительной тишине, смог различить завывание ветра высоко над головой. Некоторое время спустя мрачная темнота бури превратилась в мрак ночи. Постепенно ветер стал затихать, напоминая о себе лишь яростными порывами и раскатами грома. В такие моменты начинало казаться, что звуки, похожие на волчий вой, слышатся со всех сторон.

Изредка сквозь черную массу несущихся облаков пробивался луч лунного света. В его сиянии я увидел, что нахожусь на краю густых зарослей тисов и кипарисов. Когда прекратился снегопад, я вышел из своего убежища и принялся изучать окрестности более внимательно. Мне показалось, что среди многочисленных старых, разрушенных до основания домов, мимо которых я проходил, направляясь к спасительным деревьям, было одно здание — скорее, руины, — в котором

я все же мог бы на какое-то время укрыться. Двинувшись к нему по лесной опушке, я обнаружил, что строение окружает невысокая стена. Пройдя вдоль нее, я наткнулся на ворота. Здесь кипарисы образовывали что-то вроде аллеи, которая вела к дому. Но едва я успел бросить на него взгляд, как тучи снова закрыли луну, и дальше мне пришлось идти в полной темноте. Должно быть, ветер сделался еще холоднее, так как, пока я шел, меня начало трясти. Но надежда оказаться под крышей заставляла меня пробиваться вперед, не разбирая дороги.

Сделалось очень тихо, и я остановился. Буря улеглась, и мое сердце, словно в созвучии с природой, как будто тоже перестало биться. Но это продлилось лишь какое-то мгновение, поскольку тучи неожиданно расступились, и в лунном свете я увидел, что стою посреди кладбища, а здание, к которому я шел, — это большой массивный склеп из мрамора, белого, как снег, укрывающий округу. С лунным светом буря напомнила о себе новым зловещим знаком: раздался длинный глухой звук, больше всего похожий на вой собак или волков. Я остановился, парализованный ужасом, и чувствовал, как холод все глубже проникает в меня, пока мне не стало казаться, что он добрался до самого сердца. Луна все еще освещала мраморный склеп, буря же снова дала о себе знать, предвещая свое возвращение. Словно зачарованный, я приблизился к гробнице, чтобы выяснить, почему строение стоит особняком в таком месте. Обойдя склеп кругом, я увидел дверь в дорическом стиле¹, над которой прочитал надпись на немецком языке: «Графиня Долинген фон Грац из Штирии. Искала и нашла смерть. 1801». Наверху прямо из камня — а строение состояло из нескольких огромных каменных блоков — торчал гигантский железный гвоздь или кол. Отойдя чуть назад, я прочитал надпись, сделанную большими русскими буквами: «Смерть ходит быстро».

Было во всем этом что-то такое странное и жуткое, что я почувствовал, как от страха теряю последние силы. Впервые я пожалел, что не прислушался к советам Иоганна. И тут как гром среди ясного неба в голову мне пришла неожиданная мысль, повергнувшая меня в настоящий шок. Настала Вальпургиева ночь!

Вальпургиева ночь. Ночь, когда, как верят миллионы людей, миром правит сатана, когда открываются могилы и из них выходят

¹ Дорический стиль — древнегреческий архитектурный стиль.

мертвые. Когда пируют все злые силы на земле, в воздухе и в воде. Именно этого места больше всего боялся кучер. Это и есть деревня, оставленная жителями столетия назад. Здесь покоится самоубийца, и именно здесь нахожусь я, лишенный мужества, дрожащий от холода под снежным саваном, в ожидании возвращения дикой бури! Мне потребовалось собрать в кулак все свои познания в философии и религии, чтобы не поддаться паническому страху.

В следующую секунду на меня налетел неимоверной мощи шквал. Земля содрогнулась, как будто по ней пронесли тысячи лошадей. На этот раз ветер принес на своих ледяных крыльях не снег, а градины огромного размера, которые били в землю с такой силой, будто были выпущены из балеарских пращей¹, градины, которые сбивали с деревьев листья и ветки, так что теперь искать спасения под кипарисами не имело смысла. Сперва я бросился к ближайшему дереву, но потом вынужден был переместиться в единственное место, казавшееся теперь защищенным от града: массивный дверной проем мраморной усыпальницы. Там, вжавшись в тяжелую бронзовую дверь, я ощутил себя в относительной безопасности. Градины попадали на меня, только отскакивая от земли и мраморных стен.

Я прислонился к двери, и она немного приоткрылась внутрь. При такой безжалостной буре даже могильный склеп казался желанным убежищем. Я хотел было войти, но тут небо словно разрезало пополам огромной зигзагообразной молнией. В ту же секунду я увидел прекрасную женщину с полными щеками и ярко-красными губами. Женщина лежала в гробу, стоящем на возвышении, и, казалось, спала. Когда раздался оглушительный грохот, какая-то сила точно рукой гиганта схватила меня и швырнула под открытое небо. Все это произошло так быстро, что я сперва почувствовал, что на меня снова сыплются тяжелые градины, и лишь потом ощутил глубокое потрясение. У меня возникло странное и совершенно отчетливое ощущение, что я не один. Я снова устремил взгляд на склеп. И в тот же миг полыхнула новая вспышка молнии, которая, похоже, попала в железный стержень, увенчивающий гробницу, и огненной волной прошла по стенам в землю, при этом раскалывая и кроша мрамор. На секунду объятая пламенем женщина приподнялась в страшной

¹ Гибкое, жесткое или комбинированное метательное военное оружие. Предназначено для метания камней или специально изготовленных пуль.

агони, и отчаянный крик боли потонул в оглушительном громе. Последним, что я услышал, был этот ужасающий звук. Неведомая сила снова схватила меня и потащила прочь от гробницы. Мое тело осыпали ледяные камни, а воздух наполнился волчьим воем. Помню, что, прежде чем потерять сознание, я увидел движущуюся бесформенную белую массу, как будто из всех могил вокруг поднялись призраки тех, кто лежал в гробах, укрытые саванами, и теперь они приближались ко мне сквозь стену града.

Постепенно ко мне вернулось некое подобие сознания, потом пришло ощущение страшной усталости. Поначалу я ничего не мог вспомнить, но через какое-то время чувства восстановились. Ноги сводила адская боль, шевелить ими я не мог. Они словно отнялись. На шее и вдоль позвоночника ощущался холод, уши онемели и ужасно болели. Только в груди чувствовалось тепло, которое казалось необычайно приятным. Мое состояние было, если так можно выразиться, физическим кошмаром, поскольку какая-то тяжесть на груди почти не давала дышать.

Это полубеспамятство продолжалось довольно долго, и, когда оно стало проходить, я, похоже, заснул или потерял сознание. Потом я почувствовал тошноту, как при первых приступах морской болезни, и страстное желание освободиться от чего-то... хотя я и сам не знал, от чего. Вокруг царил полнейшая тишина, как будто весь мир погрузился в сон или умер... Было слышно лишь тяжелое дыхание, похожее на звериное, которое раздавалось совсем рядом. Я ощутил прикосновение к горлу, и тут пришло полное осознание ужасной правды, от которой кровь застыла у меня в жилах. Какое-то большое животное лежало у меня на груди и лизало шею. Я не осмелился пошевелиться, так как некий внутренний инстинкт самосохранения подсказал, что нужно лежать неподвижно. Однако зверь, кажется, почувствовал происшедшую во мне перемену и поднял голову. Сквозь ресницы я увидел над собой пару больших горящих глаз огромного волка. В раскрытой красной пасти блеснули острые зубы. Я почувствовал горячее дыхание, частое и зловонное.

На какое-то время я снова провалился в бездну беспомощности. Потом меня привело в сознание глухое рычание, прерываемое звуками, похожими на лай, которые повторялись снова и снова. Затем мне показалось, что издали донеслись звуки множества голосов,

которые в унисон повторяли: «Хола! Хола!» Осторожно я приподнял голову и посмотрел в том направлении, откуда они слышались, но могильные плиты мешали что-либо разглядеть. Волк по-прежнему продолжал рычать странным образом. Вдоль зарослей кипариса я заметил какое-то красное свечение, которое, похоже, двигалось на звук. Чем ближе слышались голоса, тем быстрее и громче рычал волк. Сам я издавать какие-либо звуки или шевелиться боялся. Свечение приближалось, двигаясь по белой пелене. Потом из-за деревьев разом появился целый отряд всадников с факелами в руках, они ехали рысью. Волк поднялся с моей груди и бросился по направлению к кладбищу. Я увидел, как один из кавалеристов (а то, что это были именно кавалеристы, было ясно по их головным уборам и длинным военным сюртукам) вскинул карабин и прицелился. Скакавший рядом с ним ударил его снизу по руке, и пуля просвистела у меня над головой. Несомненно, он принял меня за волка. Другой кавалерист, должно быть, заметил убегающего зверя. Прогремел еще один выстрел. После этого отряд конников устремился вперед, кто-то направился ко мне, а кто-то поскакал следом за серым, растворившимся среди заснеженных кипарисов.

Когда они приблизились, я попытался пошевелиться, но силы покинули меня совершенно, хоть я и мог видеть и слышать все, что происходило вокруг. Двое или трое солдат спешили и опустились на колени рядом со мной. Один из них приподнял мне голову и приложил руку к груди.

— Хорошие новости, друзья! — крикнул он. — У него еще бьется сердце!

Потом мне в рот влили несколько глотков бренди, которое оживило меня настолько, что я смог полностью раскрыть глаза и осмотреться. Среди деревьев носились огни и тени, было слышно, как перекрикиваются люди. Все начали съезжаться в нашу сторону, испуганно переговариваясь. Из лабиринта могил показались солдаты с факелами, глаза их были безумны. Когда все собрались вокруг меня, те, кто был рядом, взволнованно спросили:

— Ну что, вы нашли его?

Последовал быстрый ответ:

— Нет! Нет! Едем обратно... скорее! В этом месте нельзя оставаться. Тем более в эту ночь!

— Что это было? — один и тот же вопрос раздался со всех сторон. И тут же все начали говорить одновременно, как будто поддавшись какому-то единому порыву. Но во всех голосах чувствовались неуверенность и боязнь произнести вслух свои мысли.

— Это... это... было оно! — пробормотал один из солдат, явно потерявший на какое-то время способность рассуждать здраво.

— Как будто волк... но не волк! — содрогнувшись, вставил другой.

— Бесполезно стрелять в него обычными пулями, — заметил третий более спокойным голосом.

— Не стоило нам в такую ночь выезжать! Воистину, мы заработали свою тысячу марок! — воскликнул четвертый.

Через какое-то время раздался еще один голос:

— На расколоте мраморе кровь. Она не могла туда попасть с молнией. А что с этим... он цел? Посмотрите на его горло. Удивительно, друзья, волк лежал на нем и согревал, чтобы он не замерз.

Офицер осмотрел мое горло и сказал:

— Все в порядке. Кожа не прокушена. Что бы это значило? Если бы не лай волка, мы бы его не нашли.

— А куда подевался волк? — спросил мужчина, который поддерживал мою голову и похоже, был испуган меньше остальных: руки его держали меня крепко и не дрожали. На рукаве была нашивка унтер-офицера.

— Домой отправился, — ответил ему солдат, у которого на длинном лице не осталось ни кровинки и который трясся от ужаса, оглядываясь по сторонам. — Здесь достаточно могил, в которые он мог залечь. Уедем, друзья... уедем как можно скорее из этого проклятого места.

Офицер, отдавая приказы своим людям, приподнял меня, потом несколько человек усадили меня на лошадь. Военный запрыгнул на седло позади, обхватил меня руками, скомандовал ехать, и мы боевым порядком быстро поскакали прочь от кипарисов.

Мой язык все еще отказывался слушаться, поэтому я молчал. Должно быть, я уснул, потому что, когда в следующий раз открыл глаза, оказалось, что я уже стою на земле и с обеих сторон меня поддерживают солдаты. Было светло почти как днем, а на севере тонкая красная, как кровавый след, полоса солнечного света отражалась от

снежной глади. Офицер приказал солдатам никому ничего не рассказывать о том, что они увидели ночью, они должны были просто говорить, что нашли неизвестного англичанина, которого охраняла большая собака.

— Собака? Никакая это была не собака, — вмешался солдат, который был испуган больше остальных. — Уж я-то отличу волка от собаки.

— Собака, — холодно повторил молодой офицер.

— Собака! — усмехнулся еще один солдат. Было видно, что храбрость его росла одновременно с восходом солнца. Кивнув в мою сторону, он сказал:

— Взгляните на его горло. Разве это похоже на работу собаки, командир?

Машинально я поднял руку и, прикоснувшись к горлу, вскрикнул от боли. Меня обступили солдаты, чтобы получше рассмотреть, некоторые для этого даже спрыгнули с лошадей. И снова раздался чеканный голос молодого офицера:

— Я сказал — собака. Если мы зайкнемся о чем-то другом, нас поднимут на смех.

Потом меня опять усадили на лошадь, на этот раз позади одного из солдат, и мы въехали в предместья Мюнхена. По пути нам попался свободный экипаж, меня пересадили в него и отправили в гостиницу «Времена года». Со мной поехал молодой офицер в сопровождении одного всадника, остальные отправились в казармы.

Когда мы прибыли в гостиницу, господин Дельбрюк так стремительно выбежал навстречу, что стало ясно: он наблюдал из окна за дорогой в ожидании моего возвращения. Он подхватил меня под руки и заботливо повел в дом. Офицер взял под козырек и развернулся, чтобы уйти, но я остановил его и настоял на том, чтобы он зашел ко мне. За бокалом вина я горячо поблагодарил его самого и его мужественных товарищей за свое спасение. Он просто сказал, что для него большим удовольствием было помочь мне и что благодарить нужно господина Дельбрюка, который позаботился об организации поисковой группы. После этих непонятных слов владелец гостиницы улыбнулся, а офицер, сказав, что должен идти, откланялся.

— Но, господин Дельбрюк, — удивился я, — каким образом вам удалось организовать на мои поиски солдат и зачем?

Он скромно пожал плечами и сказал:

— Мне просто повезло получить у командира полка, в котором я служил, разрешение набрать группу добровольцев.

— Но как вы узнали, что я заблудился? — спросил я.

— Вернулся кучер с остатками экипажа, который перевернулся, когда понесли лошади.

— Но вряд ли вы стали бы организовывать поисковую группу из солдат только по этой причине, не так ли?

— Разумеется! — Он согласно кивнул головой. — Еще до возвращения кучера я получил телеграмму от господина, у которого вы собираетесь гостить.

С этими словами он достал из кармана телеграмму и протянул ее мне. Вот она дословно:

«Бистрица¹.

Позаботьтесь о моем госте. Мне чрезвычайно важно, чтобы с ним ничего не произошло. Если что-нибудь все-таки случится или если он пропадет, не пожалейте усилий, чтобы найти его как можно скорее и обеспечить ему безопасность. Он — англичанин, поэтому склонен к безрассудной смелости. Волки, снег и ночь часто бывают небезопасны. Не теряйте ни секунды, если заподозрите, что ему грозит опасность. Все ваши затраты будут возмещены вам сполна.

Дракула»

Пока я читал телеграмму, комната вокруг меня словно заходила ходуном. Если бы внимательный метрдотель не подхватил меня, я бы, наверное, не устоял на ногах. Все это было так странно, так жутко и невероятно, что мне показалось, будто я оказался в центре противостояния двух могучих сил. Эта мысль меня ошеломила. Несомненно, я находился под какой-то загадочной защитой. Из далекого края в мгновение ока пришло послание, благодаря которому я не замерз насмерть и не погиб от волчьих зубов.

Перевод Е. Андриановой, 2020

¹ Город в Румынии.

ДРАКУЛА

Глава I

Дневник Андрея Гаркера

3 мая. Бистрица

Выехал из Мюнхена в восемь часов вечера и приехал в Вену рано утром, хотя поезд опоздал на целый час. Это великолепный город, насколько я мог судить из окна вагона и после небольшой прогулки, совершенной по прилегающим к вокзалу улицам; я боялся уходить далеко, так как начальник станции приказал сократить время стоянки поезда. Я остался под впечатлением, что покидаю запад и еду на восток — чудный величественный мост, перекинутый через Дунай, напоминал о турецкой архитектуре.

В сумерках поезд прибыл в Канфенберг. Я решил провести ночь в отеле «Рояль». В ресторане к обеду или скорее к ужину мне

подали цыпленка, приготовленного с красным перцем, — очень вкусное блюдо, но возбуждающее жажду (надо достать рецепт для Минны). На расспросы официант ответил, что блюдо это национальное и называется «паприка депниль».

Мое знание немецкого языка, хотя и поверхностное, очень помогло мне: не знаю, как бы я обошелся без него. Перед отъездом из Лондона я воспользовался свободным временем, чтобы посетить музей и пересмотреть в библиотеке все, что касается Трансильвании. Мне казалось, что предварительное изучение страны будет очень полезно и облегчит мое общение с венгерским аристократом. Местность, которую он указал мне, находится на востоке, на границе трех провинций: Трансильвании, Молдавии и Буковины, в сердце Карпат. Я не мог найти ни одной карты, ни одного описания окрестностей замка графа Дракулы. Несмотря на это, ущелье Борго, указанное мне графом, здесь хорошо известно.

Трансильванию населяют различные национальности: на юге саксы перемешаны с валахами, потомками дацианов, на западе живут мадьяры, на востоке и на севере — сцекели. Последние считаются потомками гуннов, что весьма возможно. В одиннадцатом веке, когда мадьяры завладели страной, они действительно воевали с гуннами. Я где-то читал, что всякого рода суеверия исходят из этой области Карпат, составлявшей как бы центр волшебного водоворота. Если это правда, мое пребывание окажется крайне интересным (расспросить на этот счет графа).

Я спал плохо, хотя постель была удобная, мне снились тревожные сны. Какая-то собака выла всю ночь под окном, что, пожалуй, и было причиной моего беспокойства, или, может быть, просто последствием знаменитой «паприки», после которой я выпил графин воды, не утолив, однако, жажды. К завтраку опять подали «паприку», какую-то кашу из кукурузной муки под названием «мамалыга» и баклажаны, фаршированные мясом, которые оказались очень вкусными (постараться узнать, как их готовят). Я должен был торопиться, так как поезд уходил по расписанию в восемь часов утра, и понесся на всех парах на станцию, но просидел там более часа, прежде чем поезд тронулся. Кажется, что чем дальше едешь на восток, тем чаще расписание поездов нарушается.

Целый день мы ползли (иначе выразиться нельзя) по весьма живописной местности. Изредка попадались маленькие селения, старинные замки, окруженные скалами. На станциях толпились люди в пестрой одежде, дожидавшиеся прихода поезда. Некоторые походили на крестьян во Франции и Германии — на них были короткие кофты домашней вязки и круглые шляпы. Женщины казались красивыми, хотя талии их не отличались изяществом. На всех мужчинах были широкие кушаки, украшенные пестрыми кусочками ткани. Самый оригинальный вид был у словаков: огромные шляпы, широкие, белые, но крайне грязные штаны, белые холщовые рубашки, подпоясанные кожаными поясами с медными украшениями. Прибавьте к этому черные длинные усы и неприветливое выражение лица. Были бы они на сцене, их приняли бы, несомненно, за шайку разбойников. Говорят, однако, что у них нрав кроткий и безобидный.

Была почти ночь, когда мы въехали в Бистрицу. Это крайне интересный древний город, расположенный почти на самой границе, где ущелье Борго разделяет Трансильванию и Буковину. Лет пятьдесят назад несколько крупных пожаров опустошили большую часть города. В начале семнадцатого столетия Бистрица была осаждена врагами и из-за голода и болезней тридцать тысяч жителей умерли.

Граф Дракула в своем письме рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона». К великому моему удовольствию, она располагалась в красивом старинном доме. Оказалось, меня ждали, ибо не успел я подойти к дверям, как был встречен радушной старушкой в белой юбке с длинным цветным передником.

Она приветливо поклонилась мне и спросила:

— Господин Гаркер?

— Да, — ответил я.

Старушка (она оказалась хозяйкой гостиницы) улыбнулась и что-то сказала стоявшему рядом с ней старику. Он ушел, но быстро вернулся с письмом в руке.

Вот что я прочитал:

«Мой друг, приветствую вас с прибытием в наши края. Отдохните эту ночь. Завтра в три часа омнибус отправляется в Буковину; место для вас оставлено. У ущелья Борго моя коляска будет ждать

СОДЕРЖАНИЕ

Гость Дракулы. Предыстория к роману «Дракула».....	4
--	---

Дракула

Глава I	17
Глава II	28
Глава III	38
Глава IV	48
Глава V	60
Глава VI	67
Глава VII	77
Глава VIII	85
Глава IX	93
Глава X	105
Глава XI	113
Глава XII	118
Глава XIII	126
Глава XIV	137
Глава XV	143
Глава XVI	152
Глава XVII	162
Глава XVIII	168
Глава XIX	175
Глава XX	179
Глава XXI	188
Глава XXII	193
Глава XXIII	198
Глава XXIV	202
Глава XXV	207
Глава XXVI	212
Послесловие	221

Литературно-художественное издание

Брэм Стокер

ДРАКУЛА

Роман, рассказ

Ответственный редактор *А. Васько*

Технический редактор *Г. Логвинова*

Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Тираж 2500 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.

Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 02.2023.

Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, Россия, Ульяновская обл.,

г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.